

Въ людяхъ.

(Новое произведеніе М. Горькаго)

Въ февральской книжкѣ „Лѣтописи“ появится продолженіе „Въ людяхъ“ М. Горькаго. Всего будетъ помѣщено въ ней двѣ главы—третья и четвертая. Въ третьей описывается по прежнему жизнь у бабушки, въ четвертой—жизнь въ городѣ, на мѣстѣ у родственниковъ. Образъ бабушки хорошо знакомъ читателямъ „Дѣтства“, но въ томъ, что мы узнаемъ о ней теперь, онъ дополняется новыми яркими чертами. Таково необычайно трогательное своей гуманностью и въ то же время дѣтски наивное релігиозное міросозерцаніе бабушки. Горькій рассказываетъ:

„Дѣло было на прогулкѣ по лѣсу. Кланяясь черной землѣ, пышно одѣтой въ узорчатую ризу травъ, она (бабушка) говорила о томъ, какъ однажды Богъ, во гнѣвѣ на людей, залилъ землю водою и потопилъ все живое.

— А Премилая Мать Его собрала заранѣе всѣ сѣмена въ лукошко, да и спрятала, а послѣ просить солнышко—осуши землю изъ конца въ конецъ, за то люди тебѣ славу споютъ. Солнышко землю высушило, а Она ее спрятаннымъ зерномъ и засеяла. Смотрятъ Господь—опять обрастаетъ земля живымъ—и травами, и скотомъ, и людьми... Кто это, говорить, надѣлалъ противъ Моей воли? Тутъ Она Ему покачалась, а Господу то ужъ самому жалко было видѣть землю пустой, и говорить Онъ Ей: это хорошо Ты сдѣлала.

Мнѣ нравится рассказъ, но я удивленъ и пресерьезно говорю:

— Развѣ такъ было. Божья то Матерь родилась долго спустя послѣ потопа.

Теперь бабушка удивлена.

Бабушка крестится.

— Это кто тебѣ сказалъ?

— Въ училищѣ, въ книжкахъ написано...

— Это ее успокаиваетъ, она совѣтуетъ мнѣ:

— А ты брось-ко, забудь это, книжки всѣ; врутъ онѣ, книжки-ко.

И смѣется тихонько, весело.

— Придумано, дурачки. Богъ—былъ, а Матери у Него не было, эка! Отъ кого-же Онъ родился?

— Не знаю.

— Вотъ—хорошо. До „не знаю“ доучился.

— Цоцъ говорилъ, что Божья Матерь родилась отъ Іоакима и Анны.

— Марья Якимовна, значитъ.

— Бабушка уже сердится—стоитъ противъ меня и строго смотритъ прямо въ глаза мнѣ.

— Если ты этакъ будешь думать, я тебя такъ-то ли отшлепаю.

Но черезъ минуту объясняетъ мнѣ:

— Богородица всегда была, раньше всего. Отъ нея родился Богъ, а потомъ...

— А Христосъ—какъ же?

Бабушка молчитъ, смущенно закрывъ глаза.

— А Христосъ... да, да, да.

Я вижу, что побѣдиль, запуталъ ее въ тайнахъ Божіихъ, и это мнѣ непріятно.

Въ городѣ мальчикъ поступилъ въ обученіе къ чертежнику, но заниматься пришлось ему совсѣмъ другимъ.

„Работы у меня было много, разекаываетъ авторъ,—я исполнялъ всѣ обязанности горничной, по средамъ мылъ полъ въ кухнѣ чистилъ самоваръ и всю мѣдную посуду, по субботамъ—мылъ полы всей квартиры и обѣ лѣстницы. Кололъ и носилъ дрова для печей, мылъ посуду, чистилъ овощи, ходилъ съ хозяйкой по базару, таская за нею корзину съ покупками, бѣгалъ въ лавочку, въ аптеку.“

Какъ то хозяинъ попробовалъ дать ему чертежную работу—нарисовать фасадъ двух-этажнаго зданія со множествомъ оконъ и лѣпныхъ украшеній.

Я очень обрадовался чистой работѣ, читаемъ мы, и началу ученія, но смотрѣлъ на бумагу и инструменты съ благовѣрнымъ страхомъ, ничего не понимая.

Однако, тотчасъ же, вымывъ руки, сѣлъ учиться. Провелъ на листѣ всѣ горизонтальныя, свѣрилъ—хорошо. Хотя три оказались лишними. Провелъ всѣ вертикальныя и съ изумленіемъ увидѣлъ, что лицо дома нелѣпо искажилось: окна перебрались на мѣста простѣнковъ, а одно, выхавъ за стѣну, висѣло въ воздухѣ, по сосѣдству съ домомъ. Парадное крыльцо тоже поднялось на воздухъ до высоты второго этажа, карнизъ очутился посреди крыши, слуховое окно на трубѣ.

Я долго, чуть не со слезами, смотрѣлъ на эти непоправимыя чудеса, пытаюсь понять, какъ они совершились. И не понявъ рѣшилъ исправить дѣло помощью фантазіи: нарисовалъ по фасаду дома на всѣхъ карнизахъ и на гребнѣ крыши воронъ, голубей, воробьевъ, а на землѣ передъ окномъ—кривоногихъ людей, подъ зонтиками, не совсѣмъ прикрывшими ихъ уродства. Затѣмъ исчертилъ все это нанескою полосками и отнесъ работу учителю.

Онъ высоко поднялъ брови, вѣбилъ волесы и угрюмо освѣдомился:

— Это что же такое?

— Дождикъ идетъ,—объяснилъ я.—При дождѣ всѣ дома нажуются кривыми, потому что дождикъ самъ—кривой всегда. Птицы—вотъ это все птицы—спрятались на карнизахъ. Такъ всегда бываетъ въ дождь. А это люди бѣгутъ домой, вотъ—барыня ушла, а это разносчикъ съ лимонами.

— Покорно благодарю,—сказала хозяйка и склонилась надъ столомъ, сметая бумагу волосами, захохоталъ, закричалъ:—Охъ, чтобы тебя вдребезги разнесло, звѣрь-воробей.

Даль хозяинъ другой листъ бумаги и велѣлъ рисовать заново.

Вторая копія у меня вышла, рассказываетъ авторъ, лучше, только окно оказалось на двери крыльца. Но мнѣ не прави-

лось, что домъ пустой, и я населилъ его равными жителями: въ окнахъ сидѣли барыня съ вѣрами въ рукахъ, кавалеры съ папиресами, а одинъ изъ нихъ, некурацій, показывалъ всѣмъ длинный носъ. У крыльца стоялъ извозчикъ и лежала собака.

Хозяинъ остался опять недоволенъ, но третья была уже хороша.

Однако, ученіе не налажилось: воспротивилась мать хозяина и потянулись для мальчика опять скучные, тяжелые дни безсмысленной работы на кухнѣ.

... Весна. Каждый день одѣтъ въ новое, каждый новый день ярче и милѣе; хмѣльно пахнетъ молодыми травами, свѣжей зеленію березъ, нестерпимо тянетъ въ поле слушать жаворонка, лежа на теплой землѣ вверхъ лицомъ. А я—чичу зимнее платье, помогаю укладывать его въ сумдукъ, прошу листовую табакъ, выбывая пылъ изъ мебели, съ утра до ночи возжусь съ непріятными, ненужными мнѣ вещами.

Въ свободные часы—мнѣ совершенно нечѣмъ жить; на убогой нашей улицѣ—пусто, дальше—не позволено уходить; на дворѣ сердитые, уставые землекопы, грубые, пьяные солдаты, растрепанныя кухарки и прачки, каждый вечеръ—собачьи свадьбы—это противно мнѣ, и обижаетъ до того, что хочется ослѣпнуть.

Я иду на чердакъ, взявъ съ собою ножницы и разноцвѣтной бумаги, вырѣзаю изъ нея кружевные рисунки и украшаю ими стропила—все-таки нища моей тоскѣ. Мнѣ тревожно хочется идти куда-то, гдѣ меньше спать, меньше ссорятся, не такъ навойливо одолаживаютъ Бога жалобами, не такъ часто обижаютъ людей сердитымъ судомъ.

Мальчикъ любилъ ходить въ церковь и молился по-своему.

Въ церкви, рассказываетъ авторъ, я не молился, было неловко передъ Богомъ бабушки повторять сердитыя дѣдовы молитвы и плачевные псалмы, я былъ увѣренъ, бабушкину Богу это не можетъ нравиться такъ же, какъ не нравилось мнѣ, да къ тому же онѣ напечатаны въ книгахъ, значитъ, Богъ знаетъ ихъ на память, какъ и всѣ грамотные люди.

Поэтому, въ церкви, въ тѣ минуты, когда сердце сжималось сладкой печалью о чемъ-то, или когда его кусали и царапали маленькія обиды истекшаго дня, я старался сочинять свои молитвы: стояло мнѣ задуматься о невеселой долѣ моей—сами собою, безъ усилий, слова слагались въ жалобы:

Господи, Господи, екушно мнѣ.

Хоть бы ужъ скорѣе вырасти.

А то жить терпѣнья нѣтъ.

Хоть удавись—Господи прости.

Изъ ученья—не выходить толку.

Чертова кукла, бабушка Матрена

Рычитъ на меня волкомъ,

И жить мнѣ—очень содово.

Такихъ „молитвъ“ у мальчика было много, и многія изъ нихъ запомнились ему на всю жизнь: слишкомъ глубокія борозды провели онѣ въ душѣ его.